

Циньцин почувствовала неловкость и начала играть несколько своих любимых мелодий. После нескольких композиций она заметила, что один из гостей продолжал пребывать в задумчивости, а другой был полностью поглощен чтением нотной тетради, словно не слышал ее игры. Будучи опытной в таких делах, Циньцин сразу поняла, что у них есть свои заботы, и попыталась завязать разговор с Хуан Баньсянем:

— Молодой господин, раз вы читаете ноты, может, и играете на гуцине?

Эти слова застали Сыту врасплох. Действительно, почему он не подумал об этом? Ведь Хуан Баньсянь — настоящий вундеркинд, разбирающийся в музыке, шахматах, каллиграфии и живописи.

Хуан Баньсянь не ответил, лишь слегка кивнул.

Сыту взял у него нотную тетрадь и тихо сказал:

— Я хочу послушать, как ты играешь.

Красота озера и гор зависит от настроения наблюдателя: если сердце светлое, то и пейзаж кажется ярким, если же оно омрачено, то и виды теряют свою прелесть.

Слова Сыту «Я хочу послушать, как ты играешь» сделали атмосферу еще более неловкой. Хуан Баньсянь поднял на него глаза, затем посмотрел на Циньцин, сидящую за гуцином, и заколебался.

Циньцин с улыбкой встала и уступила место:

— Пожалуйста, молодой мастер, покажите свое искусство.

Хуан Баньсянь, опустив голову, поднялся и направился к гуциню, но затем остановился, обернулся и подошел к Сыту, тихо спросив:

— Что ты хочешь услышать?

Сыту поднял на него глаза и вместо ответа спросил:

— У меня нет имени?

Хуан Баньсянь слегка обиделся, но все же послушно произнес:

— Сыту.

Казалось, это удовлетворило Сыту, и он кивнул:

— Как ты научился играть на гуцине?

На лице Хуан Баньсяня появилась легкая улыбка:

— Один старый монах научил меня.

— Старый монах? — Сыту взял руку Хуан Баньсяня и начал мягко массировать ее, спрашивая:

— Как ты познакомился с этим монахом?

— Он жил в старом храме за моим домом, — тихо ответил Хуан Баньсянь, словно вспоминая. — Ему нравилось играть одну мелодию, она была очень красивой. Я часто приходил слушать, и, видя мой интерес, он научил меня играть.

— Тогда сыграй ее для меня, — Сыту отпустил руку Хуан Баньсяня, встал, взял кувшин с вином и бокал, подошел к окну и, облокотившись, стал смотреть на озеро.

Хуан Баньсянь подошел к гуциню, сел, аккуратно закатал рукава, принял правильную позу и снова посмотрел на Сыту, тихо сказав:

— Я умею играть только эту... Не смейся надо мной.

Сыту улыбнулся, но ничего не ответил, налил себе вина и выпил залпом.

Хуан Баньсянь опустил глаза на гуцинь, и в его ушах снова зазвучала знакомая мелодия. Перед глазами возник образ старого храма с облупившейся дверью из дерева тунг, покосившееся сухое дерево во дворе и ворон, сидящий на ветке. Худой старый монах сидел на каменных ступенях перед коридором, на коленях у него лежал старый гуцинь, и его тонкие пальцы мягко перебирали струны. Звуки, которые он извлекал, были плавными и умиротворяющими, без ярких акцентов и сложных ритмов, просто повторяющиеся переборы струн, создававшие необычайно гармоничную мелодию. Хуан Баньсянь вспомнил, как под крышей храма стояла большая бочка, которая наполнялась водой во время дождя, и капли, падая с крыши, ударялись о поверхность воды, создавая звук, который сливался с музыкой гуциня, образуя нечто невероятно прекрасное. Он часто заслушивался так, что в конце концов переставал понимать, слушает ли он музыку или звук дождя. Но эта неторопливая, почти ленивая, но в то же время слегка грустная мелодия осталась в его сердце. Вспоминая это, он словно снова чувствовал запах стручков фасоли, растущей у поля, легкий аромат воды, такой же нежный, как цвет лепестков — бледно-фиолетовый или, может быть, голубой, но в любом случае невероятно притягательный.

Пока он вспоминал, мелодия начала литься из его пальцев. На окне, рядом с которым стоял Сыту, висела маленькая фарфоровая подвеска, и легкий ветер с озера заставлял ее тихо звенеть. Звук фарфора не был таким звонким, как у металла, или прозрачным, как у стекла, он был слегка глухим и плотным, но каждый удар почему-то проникал прямо в сердце, оставляя его пустым. Сыту не мог точно определить, что означало это «пустота», но чувствовал, как все его тревоги и беспокойства растворялись под влиянием гармонии гуциня и звона подвески. В итоге оставался только влажный ветер с озера, легкий аромат лотосов и далекие горы, окутанные туманом...

Циньцин незаметно вышла из комнаты, а Хуан Баньсянь продолжал мягко перебирать струны. Сыту оторвал взгляд от озера и гор, обернулся, кувшин с вином в его руках был пуст. Хотя он обычно не пьянел, на этот раз он почувствовал легкое опьянение. Фигура Хуан Баньсяня перед ним начала слегка расплываться, и он подошел ближе, чтобы рассмотреть его получше. Но, приблизившись, Сыту с удивлением заметил, что мальчик, по сравнению с их первой встречей в Ушане, немного подрос. Возможно, это было из-за черной одежды, или же в возрасте семнадцати-восемнадцати лет изменения происходят очень быстро. Присмотревшись, он увидел, что детская мягкость в чертах лица Хуан Баньсяня исчезла, и он становился все более изящным. Его лицо стало более строгим, хотя кожа оставалась такой же белой, а глаза такими же ясными...

Хуан Баньсянь, продолжая играть, почувствовал приближение Сыту. Тот подошел к гуциню и стал внимательно разглядывать его лицо, словно пытаясь что-то понять. Чувствуя себя немного неловко, Хуан Баньсянь остановил игру, поднял глаза и увидел, что Сыту уже совсем рядом, смотря на него. Хуан Баньсянь не отводил взгляда, просто смотрел на него. Через некоторое время Сыту поднял руку и нежно провел пальцами по щеке Хуан Баньсяня. Действительно... мальчик немного подрос, становился все больше похожим на взрослого, все красивее.

Такой взгляд вызывал смущение, и Хуан Баньсянь моргнул. Сыту поднял его подбородок и поцеловал.

Хуан Баньсянь не успел удивиться, как Сыту поднял его и посадил на стол. Теперь они были одного роста и могли смотреть друг на друга на равных. Сыту, немного посмотрев на него, вдруг улыбнулся, обнял Хуан Баньсяня и стал целовать его еще более страстно. Сначала его руки мягко держали Хуан Баньсяня за талию, но постепенно начали сжимать сильнее. Хуан Баньсянь сначала слегка сопротивлялся, но быстро успокоился. Он не знал, как противостоять Сыту, даже если бы начал драться, это вряд ли бы помогло, да и он сам не хотел этого... Поцелуи Сыту не вызывали у него дискомфорта.

Поцелуй Сыту становился все глубже, словно он не мог остановиться. Легкое тело Хуан Баньсяня, его легкий аромат книг, теплая кожа и прохладные губы, а также его ясные глаза, которые, казалось, ничего не понимали, но могли видеть сквозь людей, — все это нравилось Сыту. Ему нравилось, вот и все? Постепенно приходя в себя, Сыту вдруг осознал это и понял — так вот что это было. Именно поэтому...

Он отпустил Хуан Баньсяня, которого поцелуи слегка оглушили, отошел на шаг и, скрестив руки, внимательно разглядывал его. Красивый? Да, красивый! Но его характер был полной противоположностью Сыту — спокойный, немного задумчивый, скучный книжный червь. Что в нем могло быть привлекательного?

Хуан Баньсянь сначала был смущен неожиданным поцелуем, а теперь, когда Сыту пристально смотрел на него, чувствовал себя еще более неловко. Он посмотрел вниз, увидел, что его ноги не достают до пола, и попытался сползти со стола.

Сыту мягко подхватил его и поставил на пол, затем спросил:

— Книжный червь, что в тебе хорошего?

Хуан Баньсянь удивился, поднял глаза на Сыту и подумал: что с ним опять?

— Ну же, — Сыту дернул его за прядь волос, — скажи, какие у тебя достоинства!

Хуан Баньсянь слегка разозлился и тихо ответил:

— Я не обижаю людей.

Сыту улыбнулся, слегка нажав на его подбородок:

— Что, думаешь, я обижаю тебя?

Хуан Баньсянь вытащил свою прядь волос и тихо сказал:

— Ты хорошо ко мне относишься, только иногда...

<http://bllate.org/book/15274/1348302>